

Сверхновая фантастика
КОНСТАНТИНА ОБРАЗЦОВА

ЕДИНАЯ
ТЕОРИЯ
ВСЕГО

КОНСТАНТИН ОБРАЗЦОВ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-23

В оформлении книги использована
фотография *Марии Цветковой*
В оформлении обложки и форзаца использованы
иллюстрации художника *Ф. Барбышева*

Образцов, Константин Александрович.
О-23 Единая теория всего / Константин Образцов. — Москва : Эксмо, 2022. — 640 с.: ил. — (Сверхновая фантастика Константина Образцова).

ISBN 978-5-04-102947-0

Автор бестселлера «Красные Цепи» предпринимает исследование тайн мироздания. Великолепный многоплановый роман о человеческом выборе, влияющем на судьбы Земли: то, что начинается как детектив, превращается в научную фантастику, которая достигает степени религиозного мистицизма.

Трагическая смерть одного из авторитетных представителей преступного мира поначалу кажется самоубийством, а жуткие обстоятельства его гибели объясняются приступом внезапного сумасшествия. Но чем дальше продвигается расследование, тем больше всплывает странностей, парадоксальных загадок и невероятных событий, а повествование постепенно охватывает пространство и время от Большого взрыва до современности...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102947-0

© Образцов К.А., 2019
© Попов А.В., иллюстрации, 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Памяти мамы

ИНТРО

22.50–00.01

Как и многие лучшие из историй, эта произошла в поезде.

Ныне путешествие из Петербурга в Москву занимает едва ли больше времени, чем поездка на автомобиле в плохой день через пробки из конца в конец столицы. Можно выехать рано утром, провести пару встреч и успеть вернуться обратно еще до того, как сменится дата на календаре. Сжимается пространство, сокращается время, и дорога превратилась в простое перемещение из пункта отправления к месту прибытия, досадную паузу в несколько часов, которые нужно кое-как провести; романтическое очарование долгого пути ушло в прошлое вместе с трогательной искренностью написанных от руки открыток и теплом отпечатанных с пленки фотокарточек в семейном альбоме.

В Москву я еду экспрессом: утром сел в центре города и еще до полудня вышел на площади трех вокзалов свежий, бодрый и готовый к новому дню. Но обратно стараюсь взять билет на классический ночной поезд ради ощущения возвращения домой, пусть и короткого, а все-таки путешествия, дороги, которая, как и ночь, может менять человека: сели в поезд одни люди, а вышли немного иными; уснули — а перевалив через полночь, проснулись и не вспомнили себя прежних.

Разумеется, от настоящего путешествия ждешь увлекательных дорожных историй и необыкновенных попутчиков, но с этим дела обстоят туго. Гадательное ожидание соседа по купе давно потеряло интригу: ни красавиц с драматичной судьбой, бегущих от злого рока, ни гениев не от мира сего, ни кругосветных скитальцев. Как правило, им оказывается ровесник

и социальный одноклассник: пристойный костюм, чуть лишнего веса, немного зальсин, часы, которые смотрятся дороже, чем стоят. «Здравствуйте! — Добрый вечер!» Иногда доходит даже до нескольких реплик: «Чем занимаетесь? — Я коммерческий директор компании Икс Плюс. — А я директор по продажам корпорации Игрек Минус. — Знакомое что-то, это стройматериалы? — Нет, упаковка». Вот и весь разговор. Оруженосцы большого бизнеса не расположены к разговорам, нам и на работе трепач хватает.

Сегодняшний мой попутчик тоже особого впечатления не произвел, хотя и был по-своему колоритен. Среднего роста, но кажется выше из-за по-военному прямой осанки; явно перешагнул порог седьмого десятка лет, хотя выглядит поджарым, подтянутым, и более подходит под определение «мужчина среднего возраста», нежели «пожилой». Нос с боксерской горбинкой, пепельные волосы коротко подстрижены. Светло-серый пиджак по случаю августовской душной жары аккуратно перекинут через руку; темная рубашка, серебристый галстук, черные брюки с отворотами снизу и такими острыми стрелками, что ими можно было бы бриться, глядясь при этом в отполированные до зеркального блеска ботинки — в общем, типичный отставник, решивший принарядиться по случаю выхода в общество. Обычно этот образ дополняется чехлом для мобильного телефона на поясе — и точно, вот он, закреплен на брючном ремне, и можно не сомневаться, что там не какой-нибудь, извините, смартфон с легкомысленными мессенджерами и социальными сетями, а строгий стальной аппарат с бескомпромиссными кнопками. Армия или полиция? Усов не было, поэтому я решил, что мой спутник — бывший полицейский, точнее, милиционер, судя по возрасту.

— Добрый вечер, — сдержанно поздоровался он, поставил на полку небольшой саквояж, сел, прямой как доска, подтянул брюки, положил ногу на ногу и стал смотреть в окно.

— Здравствуйте, — отозвался я, вздохнул и, за неимением иных дел, тоже уставился за окно, где среди золотых и голубоватых огней мелькали в кривом зеркале сумерек причудливо искаженные тени припозднившихся пассажиров.

Из коридора неслись голоса, звук шагов, приглушенный ковровой дорожкой; быстро прошла мимо проводница в форме, стилизованной под начало прошлого века, торопливо бросила взгляд в открытую дверь и поспешила дальше. Наконец поезд дрогнул, внушительно громыкнул сочленениями вагонов и с солидной медлительностью, приличествующей фирменному составу с историей, двинулся в путь.

— Ну вот, поехали, — сказал мой попутчик.

Я промышчал что-то в ответ. Никогда не знал, как отвечать на такие реплики.

За окном в темноте неспешно проплыли ветшающие корпуса привокзальной периферии: осыпающаяся кладка красного кирпича, мутные окна под насупленными покосившимися козырьками, какие-то чумазные трубы, забытые на ржавеющих рельсах пустые вагоны, тускло блестящие в лучах фонарей, решетчатые стальные фермы, выцветшие вывески, чахлые и озлобленные на мир корявые деревца, наперекор всему пролезшие через сор, камень, железо, а иногда и сквозь старые крыши. Яркий бело-голубой луч заглянул на секунду в окно, резкие черные тени скользнули по стенам, изогнулись и снова пропали. Поезд осторожно пробрался через это сумрачное технократическое гетто, потом вздохнул с облегчением, загудел и вырвался на простор, набирая ход среди утыканых садовыми домиками широких низин, оврагов, узких речек и перелесков. Колеса застучали уверенно и ритмично, и, как всегда в такие минуты, мне показалось, что и все в поезде выдохнули спокойно, словно пассажиры самолета, закончившего подъем и вставшего на крыло — даже мой сосед чуть расслабился и откинулся на спинку сиденья.

Каждое значимое дело требует ритуала, и для возвращения домой у меня, конечно, есть свой собственный. Я дисциплинированно дождался, когда за окном появятся унизанные огнями высотки Зеленограда, достал из дорожной сумки книжку, встал и сказал:

— Я — в вагон-ресторан, вернусь несколько поздно. Можно попросить вас не запира́ть дверь?

Мой попутчик оторвался от созерцания видов, повернулся, посмотрел на меня, будто припоминая, кто я такой, и ответил:

— Да. Не беспокойтесь. Непременно.

Я кивнул и вышел.

Собственно, этим мой ритуал обратной дороги исчерпывается: пойти в ресторан и сидеть там, читая, глядя в окно, размышляя, пока не свалит усталость и не начнут сниться сны наяву. Не бог весть что, так, маленькие удовольствия, время наедине с собой, с хорошей книгой и одной-пятью порциями виски. Невинные радости всегда тихи, в отличие от порока, который любит зрителей и демонстративность.

Ресторан был почти пуст. Справа расположилась небольшая компания явных командированных: двое мужчин средних лет в немного помятых после долгого дня костюмах, ослабленных галстуках и с легкой осовелостью взгляда и немолодая женщина с усталым лицом, черты которого удерживались опорами яркого макияжа, и повидавшим жизнь декольте, в котором уютно свернулись бусы из фальшивого жемчуга. В дальнем конце вагона сидел строгий мужчина в черном, аккуратно оперируя ножом и вилкой котлету, испускающую последнее издыхание пара, а у входа устроился некто стильный, в летнем пальто и кашне, созерцающий капли влаги, скатывающиеся по бутылке белого вина в ведерке со льдом.

Я сел за стол; белая скатерть, искусственный букетик для настроения, потертый зеленый бархат сидений. Подошла официантка, хорошенькая ровно настолько, чтобы казаться милой в ситуации ресторана ночного поезда: блондинка с широким лицом, пухлыми губами и большими печальными глазами, из тех добрых и грустных блондинок, что вечно страдают от своей доброты и доверчивости; на ногтях самодельный «френч», исполненный при помощи канцелярской замазки. Я улыбнулся ей и бросил взгляд на табличку с именем, прицепленную к лацкану форменного пиджака.

— Наташа, мне, пожалуйста, двойной односолодовый виски, холодную воду без газа и еще яблоко нарежьте, хорошо?

Жизнь налаживалась и обещала стать еще лучше — по крайней мере на этот вечер. Стук колес превратился в ритмичный рокот, поезд летел сквозь мрак, словно межзвездный корабль, за окном в дальней тьме появлялись и исчезали россыпи огоньков дальних сел как скопления таинственных звезд

и планет с неведомой жизнью, мелькали стремительными кометами редкие фонари, потом темно-синюю плоскость неба заштриховали зазубренные черные верхушки елей, а затем темнота сделалась абсолютной, как если бы поезд провалился в межгалактический void¹, и антрацитовая чернота прижалась к стеклу, в котором смутно отражались букетик и скатерть, стакан с виски, компания за соседним столом — призрачная параллельная реальность, открывшаяся в запредельных глубинах Вселенной.

Смотреть стало не на что. Я сделал глоток виски и запил холодной водой, окутав дымное торфяное пламя чистейшим родниковым льдом. Через проход доносились обрывки беседы.

— Я прекрасно понимаю, чего они добиваются: убедить Старика, чтобы он дал отбой всему проекту... да, результаты пока не плановые, но они есть... если бы он сам не разрешал вмешиваться на каждом этапе... — бубнил один из мужчин.

— Ну, сказать, что тебе не помогают, тоже нельзя, — возразила женщина. У нее был приятный, низкий грудной голос. — Сам Старик, кстати, и помогает, он в этом случае объективен.

Слушать про перипетии корпоративных сражений было неинтересно. Я еще раз с удовольствием сделал глоток и открыл книгу. Впереди была чудесная и в самом лучшем смысле этого слова спокойная ночь.

— Где у вас можно присесть?

Голос показался знакомым — и точно: мой попутчик стоял у входа в вагон, а официантка Наташа обводила широким жестом пространство, как бы очерчивая богатство вариантов посадки. Виски уже успел затормозить мои реакции, я дернулся было, чтобы снова спрятать глаза в книгу, но не успел — мы встретились взглядами, и он тут же сказал:

— А, вот! — и двинулся в мою сторону. — Не возражаете?

Я не возражал. Проклятая петербургская деликатность: нет чтобы сказать прямо: «Извините, я планировал провести

---

¹ В о и д — космическая пустота, пространство между галактическими нитями, в котором полностью отсутствуют галактики и звездные скопления.

этот вечер в одиночестве», ну или хотя бы: «Тут занято». Надо обязательно не возражать, а потом сидеть с надменно-кислой физиономией, как будто кто-то впереди тебя пролез в очередь. Впрочем, не исключено, что и мой сосед руководствовался схожими побуждениями, заставляющими непременно составить компанию человеку, которого увидел впервые в жизни полчаса назад и с которым едва перекинулся несколькими фразами, словно пройти мимо будет невежливо.

Оставалась надежда, что попутчик окажется молчуном. Я снова прикрылся книгой, безуспешно пытаюсь сосредоточиться на чтении. Официантка Наташа тем временем принесла меню. Мой визави извлек из кармана пиджака очки в тонкой золоченой оправе, надел на нос, отодвинул подальше меню, как часто делают дальновзоркие люди, и принялся изучать.

— Вот что, — изрек он через минуту, — мне, пожалуйста, фирменную солянку, селедочку на ржаном хлебе с теплой картошечкой, соленые грузди и водку, грамм сто, в замороженной рюмке.

Рот мгновенно наполнился слюной и даже сердце заныло. Колебания были недолгими.

— Наташа, и мне можно то же самое? А яблоко резать не нужно.

— Конечно. — Она быстро сделала пометку в блокнотике, наверное, умножила на два. — Водочку в один графинчик налить?

Мы переглянулись.

— Да, можно в один.

После этого прятаться за книжкой было уже глупо.

Мы выпили по первой за знакомство под восхитительно пламенеющую солянку с томящимся в ней ломтиком свежего пронзительного лимона.

— Адамов, — старомодно представился он. — Виктор Геннадьевич.

Я тоже назвал себя.

— Какое имя редкое, — заметил мой новый знакомый. — Можно сказать, литературное.

Вторая вскоре отправилась вслед за первой в сопровожде-

нии нежнейшей селедочки на пропитанном маслом ломтике поджаренного ржаного хлеба. Сразу захотелось курить. Наступало время для разговоров.

— Вы из Москвы или из Ленинграда? — поинтересовался Виктор Геннадьевич.

— Я — да. — Ответ вышел каким-то неловким, наверное, из-за путаницы в топонимике. — Домой еду.

— Я тоже ленинградец, — сообщил Адамов. — Чем занимаетесь, если не секрет?

— Консультант. — Я всегда так отвечаю, когда не хочу распространяться о своих занятиях.

— Вот как. — Он задумался. — Я, наверное, тоже теперь консультант. Вообще-то я в отставке, но вот, привлекают иногда...

— А где служили?

— В милиции, потом в полиции. Подполковник уголовного розыска.

Я про себя улыбнулся точности своей догадки.

— У меня товарищ преподает в Университете МВД, — продолжал он, — тоже отставник, служили вместе когда-то в Ленинграде. Он потом в Москву переехал, теперь вот на пенсии, лекции читает для молодежи. Ну и меня просит иногда семинар провести или практикум. Сегодня как раз обсуждали с ним планы на следующий год.

Мрак за окном неожиданно расступился. Пространство за окнами раскрылось широким простором до самого горизонта, и горсть огней далекой деревни тускло сияла посередине черного необъятного поля россыпью драгоценного янтаря. Над огнями висели широкие пелены тумана, слоями один над другим, до самого подернутого дымкой неба, где в тонкой прорези невидимых облаков сияла призрачная луна. Сияние это подсвечивало туманные пологи неземным и холодным, будто поднебесный театральный софит освещал драпировки сцены шириной в целый мир, и зрелище было таким торжественным и чудным, что перехватило дыхание. Вокруг стало особенно тихо: ни разговоров за соседним столом, ни звона приборов, ни звука из кухни на другом конце ресторана, только полусонный глухой стук колес и поскрипывание вагона.

— Дым, — произнес Адамов.